

ЛЮДМИЛА КРАГЕЛЬ

ТАЙНА КРАСНОГО МОРЯ

ЛЮБОВЬ СКВОЗЬ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

НЕ КАЖДОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ
ВОЗВРАЩАЕТ
ДОМОЙ...

Людмила Крагель

Тайна Красного моря

<https://litres.ru/74039326>

SelfPub; 2026

Аннотация

Милана Светлова приехала в Египет за морем и тишиной. Но с первого дня что-то идёт не так. Чужой взгляд преследует её среди пёстрой курортной толпы — тяжёлый, спокойный, древний. Старый торговец кланяется ей как богине и отдаёт амулет-скарабей, не взяв денег. А ночью снится вода и голос на языке, которого она не знает — но понимает каждое слово.

На пятый день, во время погружения на дно Красного моря, Милана касается золотого скарабея в расщелине скалы — и море исчезает.

Она приходит в себя в Древнем Египте, где её принимают за жрицу богини Хатхор, явившуюся из вод согласно древнему пророчеству. Здесь всё настоящее — жара, величие храмов и жестокость дворцовых интриг. И настоящий он — Хоремхеб, молодой военачальник, сын фараона, который не верит в пророчества, но верит в неё.

Между ними вспыхивает любовь — живая, невозможная, обречённая. Потому что Милана знает: она чужая в этом времени. И её возвращение домой может разрушить всё.

Но правда окажется глубже, чем она думала.

Содержание

Глава 1	4
«Гори оно всё синим пламенем, или как две подруги потеряли рассудок»	4
Глава 2	12
"Марко, море и необъяснимое"	12
Глава 3	20
«Культурный обмен, старый торговец и тот, кого нет»	20
Глава 4	30
«Четвёртый день, или Всё решается само"	30
Глава 5	37
"Там, где кончается небо"	37
Глава 6	45
"Нил, лотосы и полная растерянность"	45
Глава 7	53
"Три поколения ожидания и лицо на камне"	53
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Людмила Крагель

Тайна Красного моря

Глава 1

**«Гори оно всё синим пламенем, или
как две подруги потеряли рассудок»**

Последний звонок отзвенел в пятницу в час дня.

В час пятнадцать Милана Светлова сидела в учительской, смотрела в одну точку и не моргала. Перед ней стояла кружка с чаем, лежала стопка незаполненных журналов и записка от завуча: «Милана Сергеевна, не забудьте сдать годовые отчёты в трёх экземплярах, характеристики на выпускников, тематическое планирование на следующий год и ведомости по внеурочке».

Следующий год.

Милана взяла записку, аккуратно сложила её вчетверо, ещё раз вчетверо, и положила под кружку с холодным чаем. Это был её способ сказать миру всё, что она о нём думает, оставаясь при этом интеллигентным человеком.

За окном орали дети — счастливые, свободные, с шариками и мороженым. Милана смотрела на них с тихой белой завистью.

Дверь учительской распахнулась так, будто в неё въехали с разбегу.

— Милка! — Соня Громова стояла на пороге, растрёпанная, с телефоном в одной руке и кофтой в другой, с видом человека, только что получившего послание от высших сил. — Милка, не говори ничего. Просто слушай.

— Соня, я ничего не говорю.

— Египет, — сказала Соня. — Хургада. Вылет послезавтра. Горящий. Двадцать две тысячи с перелётом и всем

включено. Я уже почти нажала «купить».

Милана посмотрела на неё. Потом на записку под кружкой. Потом снова на Соню.

— Нажимай, — сказала она.

Соня нажала.

Следующие тридцать шесть часов Милана вспоминала потом как страшный сон с элементами производственной трагедии.

Выяснилось, что загранпаспорт лежит там, где она его «точно оставила» — то есть нигде. Он был найден поздно вечером в кармане зимнего пальто вместе с засохшей мандариновой долькой и чеком из супермаркета от ноября позапрошлого года. Выяснилось также, что купальник у Милы ровно один — практичный чёрный, ещё студенческих времён, — и что «ехать в Египет с одним купальником» Соня считала примерно тем же, что «выйти на сцену Большого театра в валенках».

Они поехали в торговый центр в десять вечера.

— Вот этот, — говорила Соня, кидая в корзину вещи с такой скоростью, будто магазин вот-вот закроется навсегда. — И вот этот. И сарафан. И шляпу. Мила, ну возьми шляпу, ты же в Египте, не в Урюпинске.

— Соня, я учитель литературы, а не блогер.

— Учителя литературы тоже имеют право на шляпу. Флорбер бы одобрил.

Милана взяла шляпу.

Крем от солнца они забыли. Вспомнили в аэропорту. Купили там же за втрое дороже. Соня сказала, что это называется «туристический налог на беспечность», и совершенно не расстроилась.

Самолёт вылетел по расписанию — что само по себе было маленьким чудом.

Соня уснула ещё на взлёте, уткнувшись в плечо Миланы и тихонько сопя с видом абсолютно довольного жизнью существа. Милана не спала. Она смотрела в иллюминатор на темноту внизу, на редкие огни где-то далеко, и чувствовала, как учебный год медленно, нехотя отпускает её — как будто кто-то разжимал кулак, в котором она просидела последние девять месяцев.

Тридцать два ребёнка. Двести семьдесят тетрадей в четверть. Родительские собрания, где на неё смотрели с тем особым выражением, которое можно описать как «вы, конечно, молодой специалист, но мой Артём — это особый случай». Методические объединения. Открытые уроки. Журналы в электронном виде и журналы в бумажном виде, и никто так и не объяснил, зачем оба одновременно.

Но сейчас — тихо. Только гул двигателей и сопящая Соня. Милана прикрыла глаза.

И почти сразу — как это бывает на границе сна — увидела воду. Очень синюю, очень прозрачную. И что-то золотое глубоко внизу, далеко, почти неразличимо — как искра.

Она открыла глаза.

За иллюминатором была ночь.

-Просто устала, — сказала она себе. Просто девять месяцев без нормального сна.

Хургада встретила их в половину шестого утра жарой, запахом моря и специй, гортанными объявлениями по громкой связи и пёстрой толпой, в которой смешались туристы двадцати национальностей с чемоданами всех цветов радуги.

Соня немедленно проснулась и сразу же вошла в режим, который Милана про себя называла «Соня-на-максимуме»: крутила головой на триста шестьдесят градусов, успевала читать таблички, фотографировать пальмы в кадках и одновременно тащить свой чемодан, громко рассуждая о том, хорошо ли кормят в их отеле.

Милана шла рядом и улыбалась.

Она не замечала, как на неё смотрят.

Она никогда не замечала — в этом было что-то обезоруживающее и немного невероятное, потому что не заметить Милану Светлову было примерно так же сложно, как не заметить солнце, которое вдруг зашло в комнату и остановилось посередине.

Она была высокой — не модельно-вызывающе, а легко, как будто так и надо. Тёмные волосы собраны наспех, несколько прядей выбились и падали вдоль щеки. Лицо — из тех, что не поддаются быстрому описанию: не кукольная красота журнальных обложек, а что-то живое, тёплое и одновременно неуловимое — как будто художник рисовал не с

натуры, а по памяти что-то очень важное. Глаза — серо-зелёные, с золотистыми искрами у зрачков, странного оттенка, который в разном освещении менялся, как цвет морской воды.

Но главным было не это.

Главным был свет — какой-то внутренний, необъяснимый, который она сама в себе не видела и в который не поверила бы, скажи ей кто-нибудь. Не кокетство, не игра — просто свечение, как у старых икон, когда долго смотришь. Мужчины чувствовали его раньше, чем успевали понять, что именно происходит. Они оборачивались — все: молодые и пожилые, женатые и нет, флиртующие и принципиально равнодушные к чужим женщинам. Оборачивались и смотрели — не нагло, не навязчиво, а так, как смотрят на что-то, о чём потом долго не могут вспомнить точно, но не могут и забыть.

Милана в это время, как правило, искала в сумке ключи или читала что-нибудь на ходу.

Сейчас она искала ваучер на трансфер.

— Нашла? — крикнула Соня из толпы.

— Ищу.

— Посмотри в кармане с молнией.

— Там крем от солнца.

— А в боковом?

— Там паспорт и мандариновая долька.

— Какая долька?!

— Долгая история, — сказала Милана и наконец извлекла

ваучер из-под блокнота с конспектами уроков, который она, по вьёвшейся привычке, взяла даже в отпуск.

Соня посмотрела на блокнот с выражением человека, готового произнести педагогическую речь.

— Не начинай, — сказала Милана.

— Я молчу, — сказала Соня. — Я просто смотрю.

— Это хуже.

Автобус до отеля ехал вдоль моря.

Милана прислонилась лбом к стеклу и смотрела на воду. Красное море в ранних утренних лучах было неправдоподобно синим — почти нереальным, слишком насыщенным, как будто кто-то выкрутил яркость на максимум. Вдоль берега тянулись отели, пальмы, припаркованные где попало мотороллеры.

Хорошо, подумала Милана. Просто хорошо. Две недели. Море. Никаких журналов.

Она закрыла глаза.

И снова — на долю секунды — почувствовала что-то. Не увидела, не услышала. Просто ощущение: чей-то взгляд. Тяжёлый, внимательный, очень спокойный — не взгляд туриста в автобусе. Что-то другое. Что-то, у чего нет имени.

Она открыла глаза и обернулась.

Сзади дремал пожилой немец с панамой на лице. Рядом с ним — молодая пара с одинаковыми рюкзаками. Больше никого.

— Ты чего? — спросила Соня.

— Ничего, — сказала Милана. — Показалось.
За окном сияло море.

Глава 2

"Марко, море и необъяснимое"

Отель оказался именно таким, каким бывают египетские отели категории «всё включено» — то есть громким, пёстрым, неумеренно украшенным пальмами в кадках и работниками ресепшена с улыбками такой профессиональной лучезарности, что хотелось носить солнечные очки в помеще-

нии.

Номер был большой, с балконом и видом на море.

Соня вышла на балкон, посмотрела на бирюзовую полосу воды на горизонте, глубоко вдохнула тёплый солёный воздух — и сказала:

— Милка. Я приняла решение.

— Какое? — Милана разбирала чемодан.

— Я не думаю об учениках две недели. Вообще. Если мне приснится Дима Козлов с его невыученным стихотворением — я встану, выпью воды и скажу себе: ты в Египте, Козлова нет, всё хорошо.

— Разумно.

— И ты тоже не думаешь.

— Я не думаю.

— У тебя в чемодане конспекты.

Пауза.

— Это на всякий случай, — сказала Милана.

Соня закрыла глаза с видом человека, которому выпало тяжёлое испытание.

Первый день прошёл в блаженном ничегонеделании, которое поначалу давалось с трудом — как всегда бывает, когда человек, девять месяцев живший в режиме «срочно-важно-вчера», вдруг оказывается в шезлонге с коктейлем и обнаруживает, что делать совершенно нечего и это, оказывается, и есть цель.

Милана лежала у бассейна, смотрела в небо — синее, без

единого облака, безмятежное, как чистая страница — и постепенно чувствовала, как где-то внутри разжимается какая-то очень давно сжатая пружина. Хорошо. Тихо. Тепло.

Соня исчезла в направлении бара и вернулась с двумя яркими коктейлями и новостью.

— В соседнем номере итальянцы, — сообщила она, вручая Милане стакан с чем-то оранжевым и садясь рядом с видом человека, у которого уже есть план. — Я слышала через стену. Точно итальянцы. Я узнала итальянский.

— Ты не знаешь итальянский.

— Я знаю, что это итальянский. Это разные вещи.

Милана отпила коктейль. Он был сладким, холодным и вызывающе безответственным — именно таким, каким должен быть первый коктейль отпуска.

— Соня, — сказала она, — мы приехали отдыхать.

— Я и отдыхаю, — невозмутимо ответила Соня. — Просто в процессе изучаю культурный контекст.

Марко Риццо появился на следующее утро у шведского стола с видом человека, для которого завтрак — это ритуал, требующий полной концентрации.

Это был классический итальянец с рекламной открытки: высокий, смуглый, с тёмными кудрями, в белой льняной рубашке, с руками, привыкшими что-то объяснять в воздухе.

Лет тридцати двух. Улыбка — широкая, немного удивлённая, как будто мир ежедневно преподносил ему что-то восхитительное и он каждый раз искренне радовался.

Соня увидела его от входа в ресторан.

Остановилась.

Взяла тарелку.

Подошла к стойке с круассанами, которая находилась ровно рядом с тем местом, где он раздумывал над омлетом.

— Buongiorno, — сказала Соня с ударением на первый слог.

Марко поднял глаза, увидел её и улыбнулся так, как улыбаются люди, которым жизнь нравится в принципе.

— Buongiorno! — ответил он с ударением на второй, как и положено. — Sei russa?

Соня посмотрела на него.

Он посмотрел на неё.

— Да, — сказала Соня по-русски. — Русская. Из Омска.

— Omsk! — обрадовался Марко так искренне, будто Омск был его любимым городом. — Bellissimo!

Он явно понятия не имел, где находится Омск. Но это не имело ни малейшего значения.

Соня взяла круассан, который не собиралась брать, Марко взял омлет, который уже взял, и они разошлись в разные стороны с видом двух людей, которые только что договорились о чём-то важном, хотя не сказали друг другу ничего конкретного.

Милана наблюдала эту сцену от столика у окна.

— Ну? — спросила она, когда Соня вернулась с круассаном и совершенно другим выражением лица.

— Он архитектор, — сообщила Соня.

— Ты это поняла за тридцать секунд?

— Нет, я это зауглила пока шла. Он вчера у бассейна что-то чертил в блокноте, я подсмотрела.

— Соня.

— Что? Я просто внимательная.

День второй прошёл по следующей программе: Милана читала у моря, Соня «случайно» оказывалась там, где был Марко, примерно каждые сорок минут.

У бассейна они столкнулись у лежаков. Марко что-то сказал по-итальянски и показал на воду. Соня кивнула. Оба засмеялись. Над чем — неизвестно.

В баре он взял апероль, она взяла то же самое, попробовала, скривилась. Он засмеялся, взял её стакан, попробовал, добавил что-то из маленькой бутылочки, вернул. Она попробовала снова. Подняла большой палец. Он расцвёл.

Весь этот роман происходил практически без единого понятного слова.

Вечером Соня сидела на балконе с телефоном и осваивала дуолинго — итальянский, разумеется.

— «Io mi chiamo Sonya», — произносила она вполголоса. — «No ventotto anni». Мил, как по-итальянски «ты невероятно красивый»?

— Не знаю, — отозвалась Милана из комнаты.

— Гугл говорит «sei incredibilmente bello». Как думаешь, не слишком прямолинейно?

— Соня, вы не можете поговорить нормально.

— Нормально — это скучно. — Соня помолчала. — Sei incredibilmente bello, — повторила она задумчиво, как будто пробовала слова на вкус. — Звучит красиво, правда? Даже если он не поймёт — звучит красиво.

Милана вышла на балкон и встала рядом.

Внизу синело море — вечернее, тёмное, с золотой дорожкой от фонарей вдоль набережной. Тёплый ветер. Где-то в ресторане тихо играла музыка.

Хорошо, снова подумала Милана. Просто хорошо.

И вот тогда — она увидела его.

Он стоял у края набережной, там, где заканчивался свет фонарей и начинался сумрак. Чуть в стороне от гуляющих туристов — как будто намеренно, как будто толпа была не его стихией. Тёмные волосы, лёгкая белая рубашка, смуглая кожа. Он не смотрел на море.

Он смотрел вверх. На балкон. На неё.

Не нагло — в этом взгляде не было ничего курортно-охотничьего, ничего пошлого. Просто смотрел. Спокойно и очень внимательно — как смотрят на что-то, что наконец-то нашли после долгих поисков.

Милана замерла.

Что-то в этом взгляде было неправильным. Не пугающим — нет. Просто... не отсюда. Как будто этот человек существовал в другом времени и только по какой-то причине оказался здесь, на этой набережной, в этот вечер.

— Мил, ты чего застыла? — Соня подняла голову от телефона.

— Вон там, — тихо сказала Милана. — У фонаря. Видишь мужчину?

Соня посмотрела.

— Где? Там старичок с собачкой и две тётки с мороженым.

Милана снова посмотрела вниз.

Набережная. Фонари. Старичок с собачкой. Две женщины с мороженым.

Никого больше.

— Показалось, — сказала она.

Но голос получился не совсем уверенным.

Ночью ей приснилась вода.

Очень синяя, очень прозрачная — такая, что сквозь неё было видно дно, выложенное чем-то золотым. Она плыла вниз — не падала, именно плыла, легко и без усилий, — и откуда-то снизу шёл свет. Тёплый, живой, как от огня.

И голос — низкий, спокойный, на языке, которого она не знала и понимала каждое слово:

«Ты пришла».

Милана проснулась в четыре утра.

За окном шумело море.

Она долго лежала и смотрела в потолок, и сердце билось чуть быстрее, чем нужно, и было ощущение — совершенно иррациональное, — что кто-то только что произнёс её имя.

-Показалось, — снова сказала она себе.

Перевернулась на другой бок.

Закрыла глаза.

Море шумело и шумело за окном — ровно, терпеливо, как будто оно никуда не торопилось. Как будто оно ждало.

Глава 3

«Культурный обмен, старый торговец и тот, кого нет»

На третий день Соня окончательно освоила дуолинго до уровня «могу сказать, что у меня есть яблоко и я иду в биб-

блиотеку» и решила, что этого вполне достаточно для полноценного романа.

— Языковой барьер — это миф, — заявила она за завтраком, намазывая круассан джемом с видом человека, сделавшего важное научное открытие. — Главное — интонация и уверенность.

— И что ты ему сказала с интонацией и уверенностью? — спросила Милана.

— Я сказала «*buongiorno, come stai*» и он ответил целых три предложения. Я кивала.

— Ты поняла хоть слово?

Соня помолчала.

— Я поняла «*bene*». Это «хорошо». Он хорошо. Я хорошо. Мы оба хорошо. — Она откусила круассан. — Чем не диалог?

Милана посмотрела на неё с той смесью нежности и лёгкого отчаяния, которая за годы дружбы стала её основным выражением лица в присутствии Сони.

После завтрака Марко возник у бассейна с блокнотом и карандашом — он действительно что-то чертил, сосредоточенно и с удовольствием, как человек, у которого работа и призвание давно стали одним и тем же.

Соня появилась рядом с книгой — томик она взяла для вида, это было очевидно всем, включая, кажется, Марко.

Он показал ей блокнот. Там был набросок — что-то похожее на арку с орнаментом, лёгкое и воздушное.

— Bellissimo, — сказала Соня, применив на практике первое из выученных слов.

Марко расцвёл. Сказал что-то длинное, показал на отель, на небо, на орнамент, снова на небо.

Соня смотрела внимательно, кивала в нужных местах — или в ненужных, поди разбери — и достала телефон.

Гугл-переводчик. Она написала по-русски: «Ты очень талантливый» — и протянула ему экран.

Марко прочитал. Перевод гласил: «Вы очень одарённый» — что было в целом верно, хотя и несколько официально.

Он улыбнулся, взял телефон, написал что-то по-итальянски и показал Соне.

Переводчик выдал: «Твои волосы похожи на закат над Тосканой».

Соня уставилась в экран.

Потом подняла глаза на Марко.

Он смотрел на неё совершенно серьёзно — для итальянца, впрочем, это тоже могло быть просто вежливостью, кто знает.

— Милка, — позвала Соня, не отрывая взгляда от Марко.

Милана подняла голову от книги.

— Он говорит, мои волосы похожи на закат над Тосканой.

— Красиво.

— Это комплимент или он просто архитектор и смотрит на всё с точки зрения цвета?

— Соня, — сказала Милана терпеливо, — это компли-

мент.

Соня посмотрела на телефон. Потом написала что-то, старательно тыкая в буквы. Протянула Марко.

Он прочитал. На лице промелькнуло лёгкое замешательство — видимо, переводчик снова проявил творческую инициативу.

— Что ты написала? — спросила Милана.

— «Ты тоже очень красивый, как Рим». — Соня помолчала. — Переводчик, кажется, написал что-то про Колизей.

Марко засмеялся — громко, искренне, запрокинув голову. Соня засмеялась тоже. Они смеялись вместе над тем, что переводчик сравнил его с древними руинами, и это было, пожалуй, лучшим началом для чего угодно.

Милана улыбнулась и вернулась к книге.

После обеда они отправились на набережную — Соня хотела в сувенирные лавки, Милана хотела просто идти и смотреть, что само по себе было непозволительной роскошью в обычной жизни.

Набережная жила своей шумной, пёстрой, совершенно не озабоченной ничьим покоем жизнью. Торговцы зазывали с такой энергией, будто участвовали в соревновании. Запах специй мешался с запахом моря и кофе. Кошки — египетские, тощие и достойные — сидели на парапете и смотрели на всё происходящее с философским безразличием.

Соня немедленно ввязалась в торг за расписную вазу, которая ей была абсолютно не нужна.

— Сколько? — спросила она продавца.

— Для вас, мадам, специальная цена, — сказал продавец по-русски с таким акцентом, что слово «специальная» заняло, кажется, четыре секунды. — Восемьсот фунтов.

— Двести, — сказала Соня.

Продавец схватился за сердце.

— Мадам, это антиквариат!

— Я вижу штрих-код на дне.

Они сошлись на трёхстах пятидесяти. Соня была счастлива. Продавец тоже — просто не показывал вида.

Милана шла рядом и смотрела по сторонам, и всё было хорошо, солнечно и немного сонно от жары — пока они не дошли до маленькой лавки в конце ряда.

Лавка была старая — не туристически-декоративно старая, а по-настоящему: тёмное дерево полки, запах ладана и чего-то ещё, древнего, пыльного, неназываемого. На полках теснились статуэтки, амулеты, папирусы, фигурки богов — Анубис смотрел пустыми глазами, Хатхор улыбалась загадочно и чуть устало, как улыбаются те, кто знает слишком много.

Старик за прилавком дремал в кресле.

Лет ему было столько, что возраст уже не имел значения. Такие лица перестают меняться где-то после семидесяти и остаются просто очень старыми — как древние скалы, обточенные ветром.

Соня потянула Милану внутрь — её интересовали брас-

леты на крючках у входа.

Старик открыл глаза.

И посмотрел на Милану.

Милана этого почти не заметила — она разглядывала папирус с изображением ладьи Ра. Но старик смотрел, и что-то в этом взгляде было не таким, как у других. Он медленно выпрямился в кресле. Потом встал — с трудом, опираясь на подлокотник. И сказал что-то по-арабски — тихо, почти про себя.

— Что он говорит? — шепнула Соня, которая заметила.

— Не знаю, — так же тихо ответила Милана.

Старик вышел из-за прилавка. Подошёл к Милане — медленно, осторожно, как подходят к чему-то, во что боятся не поверить. Посмотрел на неё снизу вверх — он был маленький, высохший, с руками в прожилках, как старое дерево.

И вдруг — поклонился.

Не туристически, не вежливо. По-настоящему — низко, с закрытыми глазами.

— Хм, — сказала Соня.

Милана стояла растерянно.

— Простите, — сказала она по-русски, потом по-английски: — Sorry, I think you've confused me with someone.

Старик поднял голову. Посмотрел на неё долгим взглядом. Потом что-то сказал — и в этот раз одно слово было отчётливым, не арабским, а египетским, древним — Милана не знала этого языка, но слово почему-то отозвалось где-то

внутри, как струна.

Потом он повернулся, достал из-под прилавка что-то завёрнутое в ткань, протянул Милане.

Внутри был маленький амулет — голубой скарабей на тонкой цепочке, фаянс, старый.

Милана покачала головой.

— Нет, я не могу это принять, скажите сколько стоит и я куплю!

Старик сложил её руки вокруг амулета и сказал по-арабски что-то короткое и очень твёрдое. Потом добавил по-английски — медленно, с усилием, как человек, достающий слова из глубины:

— Not for sale. For you. You must take.

— Почему? — спросила Милана.

Он посмотрел на неё.

— Because you are already called, — сказал он тихо. — Long ago.

Пауза.

— Мил, — сказала Соня шёпотом, — мне немного не по себе.

— Мне тоже, — призналась Милана.

Они вышли на солнце. Милана сжимала амулет в кулаке — прохладный, гладкий, с тонким рисунком крыльев. Она хотела выбросить, вернуть, отдать первому встречному. Но пальцы не разжимались.

Незнакомца она увидела через час.

Они с Соней сидели в кафе на набережной — пили холодный кофе, Соня рассказывала про Марко и переводчик, и это было смешно и хорошо, и Милана уже почти забыла про старика.

Почти.

Она подняла глаза — просто так, без причины — и увидела его по другую сторону улицы.

Он стоял у парапета над морем. Смуглый, темноволосый, в светлой рубашке. Стоял совершенно неподвижно среди движущейся пёстрой толпы — как камень в реке. И смотрел на неё.

Глаза тёмные — почти чёрные, такие глубокие, что казалось, смотришь не в глаза, а куда-то гораздо дальше. В этом лице было что-то неуловимо нездешнее — не египетское, не европейское, не определяемое никакой современной географией. Просто другое. Древнее. Как будто время, которое меняет всех, этого человека не тронуло — только обошло стороной, пожав плечами.

Он не улыбался. Не делал никаких жестов. Просто смотрел — спокойно и с такой абсолютной уверенностью, как будто имел на это право. Как будто смотрел не первый день. И не первый год.

— Соня, — сказала Милана, не отводя взгляда. — Вон там, у парапета. Мужчина в белой рубашке. Ты его видишь? Соня обернулась.

— Где? Там дедушка с собачкой и...

Милана моргнула.

Его не было.

Пустой парашют. Дедушка с собачкой. Туристы. Кошка.

— Показалось, — сказала Милана в третий раз за два дня.

Соня посмотрела на неё с чертовщинкой в глазах, но на этот раз без смеха.

— Милка, — сказала она медленно. — Тебе уже второй раз кажется одно и то же.

— Усталость.

— Ты спала десять часов.

— Акклиматизация.

— Мы уже третий день здесь.

Милана открыла кулак. Голубой скарабей лежал на ладони и смотрел крошечными фаянсовыми глазами куда-то вдаль — туда, где за набережной синело и блестело море.

Because you are already called, — сказал старик.

Long ago.

— Пойдём, — сказала Милана, убирая амулет в карман.

— Ещё коктейль хочешь?

— Хочу, — сказала Соня, не сводя с неё глаз. — Но разговор мы ещё не закончили.

— Закончили, — сказала Милана твёрдо.

Соня промолчала.

Но чертовщинка в глазах стала другой — серьёзнее, внимательнее. Она умела быть смешной и лёгкой, Соня Громова. Но она умела и чувствовать — когда что-то странное про-

исходит рядом с человеком, которого любишь.

А это, кажется, было очень странным.

Глава 4

«Четвёртый день, или Всё решается само»

Утро четвёртого дня началось с того, что Марко постучал в их дверь в девять утра и протянул Соне маленький бумажный пакет. Внутри была пара серёжек — серебряные, с голубыми камушками, куплены явно здесь же на набереж-

ной, ничего особенного. Но он держал пакет двумя руками и смотрел так, будто нёс как минимум ювелирное изделие эпохи Возрождения. Соня взяла. Посмотрела. Подняла глаза. — Grazie, — сказала она — одно из десяти выученных слов, зато произнесённое с такой теплотой, что слово как будто стало больше своего значения. Марко улыбнулся. Сказал что-то — мягко, негромко, совсем не похоже на его обычную итальянскую экспрессию. Потом кивнул и ушёл. Соня закрыла дверь и привалилась к ней спиной. — Мил, — сказала она. — Да? — Милана пила кофе у окна. — Мне кажется, это уже не просто закат над Тосканой. — Мне тоже так кажется. Соня посмотрела на серёжки на ладони. Чертовщинка в глазах на секунду исчезла — и под ней обнаружилось что-то другое, более тихое и растерянное. — Это же глупо, правда? — сказала она. — Четыре дня. Мы даже нормально поговорить не можем. — Соня, — сказала Милана мягко, — ты кивала ему три часа у бассейна и была абсолютно счастлива. — Это не аргумент. — Это лучший аргумент. Соня помолчала. Потом надела серёжки — решительно, как человек, который принял решение не думать о последствиях прямо сейчас. — Всё, — сказала она. — Пошли завтракать. День был ленивый и золотой. Они валялись у моря — Соня с телефоном, в котором дуолинго соседствовало с перепиской с Марко через переводчик, Милана с книгой, которую она открыла на одной странице ещё час назад и не перевернула. Читать не получалось. Было хорошо — объективно, изме-

римо хорошо: тепло, тихо, море шумело ровно и успокоительно, пахло морем и кремом от солнца. Всё было правильно и на месте. Кроме ощущения. Оно появилось с утра и не уходило — лёгкое, как тень облака: кто-то смотрит. Милана несколько раз поднимала глаза от книги, обводила взглядом пляж — туристы, дети, шезлонги, бар с яркими зонтиками. Никого лишнего. — Акклиматизация, — напоминала она себе. Но акклиматизация обычно не смотрит тебе в спину с такой спокойной уверенностью. После обеда Соня потащила её в сторону отельного комплекса — там, по её сведениям, работал небольшой рынок с местными мастерами. Рынок оказался настоящим: тесный, шумный, пахнущий кожей и деревом, с навесами из полосатой ткани. Милана немного расслабилась — здесь было интересно, конкретно, понятно. Вот браслеты из верблюжьей кости. Вот расписные тарелки. Вот мальчик лет двенадцати, который учит туристов писать своё имя иероглифами и берёт за это честные пять долларов. — Напишешь? — спросила Соня. — Напишу, — согласилась Милана. Мальчик посмотрел на неё, взял тростниковую палочку, обмакнул в чернила и задумался. Потом написал — уверенно, не спрашивая имени. Милана посмотрела на папирус. — Что это значит? — спросила она по-английски. Мальчик поднял на неё глаза — серьёзные, не детские. — Это значит «та, что вернулась», — сказал он. — Это ваше имя. — Моё имя Милана. Мальчик посмотрел на папирус. Потом на неё. Пожал плечами с философским видом человека, кото-

рый написал то, что написал, и не собирается оправдываться. Соня взяла Милану под руку и тихо сказала:— Не говори мне сейчас, что показалось. Милана промолчала. Она купила папирус. Незнакомец появился в четыре часа дня. Не мелькнул, не растворился в толпе — на этот раз он был близко. Слишком близко, чтобы списать на усталость и акклиматизацию. Они с Соней возвращались в отель по узкой дорожке вдоль моря. Народу было мало — час тихий, между пляжем и ужином. Милана шла чуть впереди, Соня что-то говорила про Марко и ужин, и всё было обычно — пока Милана не подняла глаза. Он шёл навстречу. По той же дорожке, неторопливо, как человек, у которого нет никакой цели, кроме этой прогулки. Белая рубашка, тёмные волосы. Тот же спокойный взгляд — и она поняла, что он видит её уже давно, с того момента, как она только появилась в конце дорожки. Десять шагов. Милана не остановилась — ноги шли сами, — но что-то внутри замерло и перестало дышать. Вблизи он был ещё более не отсюда — это был единственный способ описать то, что она чувствовала. Не угроза. Не опасность. Просто человек, который существовал в другом измерении времени и сейчас, по какой-то причине, оказался в том же месте, что и она. Пять шагов. Он посмотрел на неё — прямо, без смущения, без заигрывания. Темные глаза, в которых было что-то похожее на узнавание. Или на облегчение. Или на что-то, для чего у неё не нашлось слова. Три шага. Милана открыла рот — она не знала, что собирается сказать, просто по-

чувствовала, что нужно что-то сказать, остановиться, спросить.— Мил, подожди, у меня шлёпанец! — крикнула Соня сзади. Милана обернулась — одна секунда, не больше. Когда она снова посмотрела вперёд — дорожка была пустой. Только море слева, пальмы справа и тёплый ветер, который нёс запах соли и чего-то похожего на ладан.— Соня, — сказала Милана очень спокойно.— Что? — Соня догоняла её, держа шлёпанец в руке.— Ты видела мужчину? Который шёл навстречу.— Я смотрела на шлёпанец. — Соня надела его. — Что за мужчина?— Неважно.— Милана Сергеевна. — Соня встала перед ней и посмотрела снизу вверх с выражением, которое в классе означало я жду объяснений. — Это уже третий раз. Рассказывай.— Нечего рассказывать.— Тогда я сама расскажу. Ты видишь одного и того же человека, которого больше никто не видит, ты не спишь нормально, старик на рынке поклонился тебе как фараону, мальчик написал тебе чужое имя, и у тебя в кармане лежит амулет, который ты не можешь выбросить. — Соня помолчала. — Я ничего не упустила? Милана достала скарабея из кармана. Он лежал на ладони — голубой, гладкий, спокойный.— Нет, — сказала она тихо. — Ничего не упустила. Они постояли молча. Море шумело. Ветер трогал Сонины рыжие волосы.— И что ты об этом думаешь? — спросила наконец Соня.— Я думаю, что я устала за год и у меня разыгралось воображение.— А если нет? Милана закрыла ладонь.— Тогда я не знаю, — сказала она честно. Вечером в ресторане Марко принёс к их столи-

ку меню и сел рядом с Соней с таким естественным видом, будто так и было заведено. Соня не возражала. Они изучали меню вместе, тыкая в блюда и выясняя через переводчик, что именно они заказывают — процесс долгий, весёлый и совершенно непродуктивный с точки зрения результата, зато исключительно приятный сам по себе. Милана ела рыбу и смотрела на море за панорамным стеклом. — Завтра что делаем? — спросила Соня между двумя раундами переговоров с переводчиком. — Не знаю. Ты что хочешь? — Марко говорит, — Соня показала экран, — что здесь рядом хороший дайвинг-клуб. Он завтра идёт. Зовёт нас. Милана посмотрела на море. Дайвинг. Вода. Глубина. Она не планировала. Она вообще-то побаивалась глубины — не панически, но достаточно, чтобы обычно выбирать берег. Она должна была сказать нет, вы идите, я с книгой. — Хорошо, — сказала она. Соня удивлённо приподняла бровь. — Серьёзно? — Да. — Милана сама не понимала, почему. Просто слово вышло раньше, чем она успела подумать. Как будто не она решала. — Запишемся. Соня посмотрела на неё секунду — внимательно, без чертовщинки — и кивнула. Марко что-то написал в телефоне и показал Соне. Переводчик выдал: «Завтра море покажет вам что-то важное». — Это он так сказал? — спросила Милана. Соня перечитала оригинал. — Он сказал «завтра хорошая видимость, метров двадцать пять». — Она пожала плечами. — Переводчик опять творит. Милана посмотрела на стекло, за которым темнело море. Завтра море пока-

жет вам что-то важное. Она убрала скарабея поглубже в карман. Спать в эту ночь она почти не смогла.

Глава 5

"Там, где кончается небо"

Милана проснулась в шесть утра без будильника.

Просто открыла глаза — и всё. Никакой сонной инерции, никакого желания повернуться на другой бок. Как будто внутри кто-то тихо и настойчиво сказал: вставай.

Она лежала и смотрела в потолок. За окном только-только

светало — небо было того особого цвета, который бывает между ночью и утром, когда темнота ещё не ушла, но свет уже обещан. Соня спала на соседней кровати, зарывшись в подушку и выставив наружу только рыжий хвост волос.

Милана встала, вышла на балкон.

Море внизу было тихим и тёмным — почти чёрным у горизонта и серебристым у берега, где первые волны уже ловили рассветный свет. Воздух был прохладным, солёным, живым. Где-то далеко кричала птица.

Она достала скарабея.

Он лежал на ладони и в рассветном свете казался другим — не просто голубой фаянс, а что-то более глубокое, с переливом, как морская вода над песком. Милана смотрела на него и чувствовала то, что чувствовала уже четыре дня — притяжение. Необъяснимое, негромкое, настойчивое. Как будто амулет знал что-то, чего не знала она.

— Ладно, — сказала она тихо — себе, или скарабею, или морю, которое шумело внизу. — Посмотрим.

Дайвинг-клуб назывался «Blue Horizon» и располагался в десяти минутах ходьбы от отеля — небольшое белое здание у самой воды, с лодками у причала и запахом неопрена и моря.

Марко уже был там — в гидрокостюме, с маской на лбу, живой и довольный, как человек, у которого сегодня праздник. Увидев Соню, он помахал обеими руками с такой радостью, что стоявший рядом инструктор невольно улыбнулся.

Инструктор оказался молодым египтянином лет двадцати пяти — смуглый, быстрый, с улыбкой, которая, кажется, была включена по умолчанию и выключалась разве что на ночь.

— Карим, — представился он, пожав руки обоим. Посмотрел на Соню. На Милану. Снова на Соню. — Вы первый раз ныряете?

— Я второй, — сказала Соня. — Она первый.

Карим посмотрел на Милану с профессиональным вниманием.

— Не бойтесь, — сказал он. — Море здесь доброе.

— Я не боюсь, — сказала Милана.

Это было почти правдой.

Инструктаж занял сорок минут.

Карим объяснял терпеливо и подробно — как дышать, как выравнивать давление, как подавать сигналы руками, что делать если... Группа была небольшая: Милана с Соней, Марко, немолодая немецкая пара в одинаковых гидрокостюмах и молчаливый японец с профессиональной камерой.

Соня слушала вполуха — она поглядывала на Марко, который поглядывал на неё, и они успели обменяться через переводчик тремя сообщениями, пока Карим объяснял про акваланг.

Милана слушала внимательно.

Не потому что боялась — просто что-то в ней сегодня было очень тихим и очень сосредоточенным. Как перед чем-то важным. Как перед экзаменом, ответы на который ты знаешь

— но ещё не понимаешь, что знаешь.

Скарабея она положила в маленький кармашек гидрокостюма, застегнула молнию. Это тоже было необъяснимо — она могла оставить его в номере, должна была оставить, но рука не поднялась.

— Готовы? — спросил Карим, оглядывая группу.

— Pronti! — сказал Марко.

— Готовы, — сказала Соня.

Милана кивнула.

Они вошли в воду с борта небольшого катера — примерно в километре от берега, там, где начинался риф.

Первые секунды погружения были странными — мир перевернулся, привычные ориентиры исчезли, и было только давление воды, собственное дыхание в маске, громкое и ритмичное, как метроном, и синева вокруг — со всех сторон, сверху и снизу, бесконечная и притягательная.

А потом Милана открыла глаза по-настоящему.

И на долю секунды забыла дышать.

Риф начинался метрах в пяти под поверхностью и уходил вниз — в глубину, в темноту, в синеву, у которой не было дна. Но здесь, в верхних слоях воды, был свет — просеянный, зеленовато-золотой, падающий сверху косыми живыми столбами, которые двигались вместе с волнами и превращали всё вокруг в медленный танец теней и сияния.

Кораллы были невероятными.

Не такими, какими Милана их представляла по картин-

кам — плоскими и схематичными. Настоящие кораллы были объёмными, архитектурными, как целый город, выстроенный по законам, которые людям не снились. Ветвистые горгонарии раскидывались в стороны, как деревья волшебного леса — тёмно-красные, бордовые, с тонкими прозрачными полипами, которые колыхались в токах воды. Мозговые кораллы лежали округлыми валунами, изрезанными бороздами, серьёзные и древние. Таблитчатые акропоры выстраивались горизонтальными ярусами — этаж за этажом, плоскость за плоскостью, в каждом ярусе своя жизнь, своя суeta, своё население.

И рыбы.

Их было столько, что Милана на секунду почувствовала себя не ныряльщиком, а гостем — неожиданным, но принятым. Стайка рыб-попугаев прошла мимо неё в полуметре — бирюзовые, изумрудные, с розовыми отметинами, такие яркие, что казались нарисованными. Следом, не торопясь, двигался хирург — электрически-синий, с жёлтым хвостом, деловитый и совершенно невозмутимый. По дну скользила крылатка — медленная, пышная, как живой веер, с полосами ржавого и белого, ядовитая и прекрасная, как многие опасные вещи.

Вдоль кораллового выступа висела стая стеклянных рыбок — тысячи крошечных серебристых тел, и они двигались как одно существо, поворачиваясь все разом, вспыхивая все разом, рассыпаясь и снова собираясь в облако — жи-

вое, пульсирующее, завораживающее.

Где-то в глубине, на краю видимости, прошла тень — длинная, плавная. Наполеон-рыба, огромная, неторопливая, с высоким лбом и таким выражением, которое можно было бы назвать философским.

Милана плыла и смотрела — и чувствовала, как что-то внутри, давно привыкшее к тесным пространствам учительской и шуму тридцати двух детей одновременно, вдруг разворачивается, расправляется, дышит. Здесь было тихо — не мёртвой тишиной, а живой: шорох, потрескивание кораллов, далёкое пение воды. Другой язык. Древний.

Она не заметила, как отстала от группы.

Карим плыл впереди, группа держалась за ним — Соня рядом с Марко, немецкая пара методично фотографировала каждый коралл, японец с камерой завис над какой-то норкой в рифе. Все были заняты.

Милана плыла чуть в стороне вдоль кораллового уступа — и риф здесь понижался, уходил ступенями вниз, и каждая ступень была своим миром, со своим светом и своими обитателями.

На третьей ступени она увидела расщелину.

Узкая, вертикальная, уходящая вглубь кораллового массива. Обычная расщелина — таких здесь были десятки. Но из неё шёл свет.

Не солнечный — солнечные столбы падали сверху, она уже умела их различать. Этот был другим. Тёплым. Золотым.

Ровным — без мерцания, без движения. Как будто внутри расщелины стояла свеча.

Милана остановилась.

Что-то потянуло её вниз — не течение, не физическая сила. Просто притяжение. То же самое, что она чувствовала четыре дня, держа скарабея в ладони.

Она опустилась ниже.

Свет стал ярче.

В расщелине, там, где коралл образовывал небольшую нишу — словно специально, словно кто-то выдолбил полочку в живом камне — лежал амулет.

Золотой.

Скарабей. Больше того, что был у неё в кармане, тяжелее на вид — с расправленными крыльями, с тонкой гравировкой на спинке. Он лежал там, где пролежал, возможно, тысячелетия — и выглядел так, будто его положили вчера. Золото не потускнело, не обросло кораллом, не тронулось ржавчиной. Оно просто светилось — изнутри, ровно и тепло, как угли под пеплом.

Милана зависла над ним.

Разум говорил: не трогай. Позови Карима. Это может быть артефакт, это может быть опасно, это вообще непонятно что.

Разум говорил много правильных вещей.

Рука уже тянулась вниз.

Пальцы коснулись металла.

Он был тёплым. Не температурой воды — живым теплом,

как кожа. Как рука человека.

И в тот же момент — всё изменилось.

Сначала звук: шум воды, дыхание в маске, далёкие голоса группы — всё это схлопнулось в одну точку и исчезло, как гаснет свет, когда выключают лампу. Абсолютная тишина — не пустая, а наполненная, как тишина перед музыкой.

Потом свет: золотой, живой, он хлынул из амулета и разошёлся волной — во все стороны сразу, вверх и вниз, заполняя воду, растворяя кораллы и рыб, растворяя синеву и глубину, растворяя всё, что было вокруг.

Море исчезало.

Не страшно — это было самое странное. Не страшно совсем. Как будто так и должно быть. Как будто это не конец чего-то, а начало.

Последнее, что она видела — золотой свет, заполнивший всё пространство до краёв. Последнее, что она чувствовала — тепло амулета в сжатой ладони. Последнее, что она слышала — голос. Тот самый, из сна. Низкий, спокойный, на языке, которого она не знала и понимала каждое слово:

«Ты пришла. Я ждал тебя».

И море исчезло.

Глава 6

"Нил, лотосы и полная растерянность"

Первым она почувствовала запах. Не море — море исчезло вместе со светом. Что-то другое: земля, прогретая солнцем до самой глубины, влажная и тёплая, как дыхание. Тростник. Цветы — незнакомые, сладкие, чуть одурманива-

ющие. И ещё что-то — дым, смола, благовония — тонкий слой поверх всего остального, как позолота поверх дерева. Потом — звуки. Птицы. Много птиц — не курортные чайки, не воробьи. Что-то незнакомое, резкое и прекрасное одновременно. Плеск воды — медленный, широкий, совсем не похожий на морской.

Где-то далеко — голоса. Человеческие, но на языке, который она не знала. И понимала каждое слово. Милана открыла глаза. Небо было синим. Не таким, как над Красным морем — там синева была морская, с солью и йодом, живая и подвижная. Это небо было другим: глубоким, тяжёлым, почти фиолетовым у горизонта, выгоревшим до белизны в зените. Абсолютным. Как будто кто-то натянул над миром огромный шёлк и забыл сделать складки. Она лежала на берегу. Не на песке — на влажной, тёмной, жирной земле, которая пахла рекой и жизнью. Под рукой — мягкая трава, незнакомая, широколистная. Над головой — тростник, высокий, в два человеческих роста, качается в горячем воздухе и шепчет что-то монотонное и бесконечное. Милана села. Голова не кружилась — это было странно. После того, что произошло, голова должна была кружиться. Должно было тошнить, должны были трястись руки, должна была случиться паника — нормальная, человеческая, вполне обоснованная паника человека, которого только что поглотило море и выплонуло в неизвестность. Ничего этого не было. Было только чувство обострённой реальности — будто кто-то

стёр тонкую плёнку между ней и миром, и теперь всё вокруг касалось её напрямую. Цвета слишком яркие. Запахи слишком отчётливые. Воздух слишком горячий, слишком плотный, слишком осязаемый.

Она посмотрела на свои руки. Гидрокостюм исчез. На ней было платье — льняное, белое, тонкое, с широкими плечами и золотой каймой по краю. Простое и одновременно такое, будто его соткали в другом времени. На запястьях — браслеты, медные, с синей эмалью. На шее — что-то тяжёлое. Она поднесла руку к шее. Золотой скарабей — тот, из расщелины — висел на широком золотом воротнике, который лежал на плечах как нагрудник. Милана зажмурилась. Открыла глаза. Всё осталось на месте. Тростник, небо, тёмная земля, запах цветов и смолы.

— Хорошо, — сказала она вслух по-русски. — Хорошо. Спокойно. Это либо сон, либо не сон, и в обоих случаях паника не поможет. Где-то в тростнике вспорхнула птица — белая, с длинным изогнутым клювом. Ибис. Милана посмотрела на неё. Ибис посмотрел на Милану.

— Ты хоть знаешь, где я нахожусь? — спросила она. Ибис улетел с видом существа, у которого нет времени на глупые вопросы. Река открылась внезапно — она раздвинула тростник и вышла на берег, и Нил ударил в глаза всей своей шириной и медлительной мощью. Он был огромным. Не быстрым — спокойным, как что-то очень древнее и очень уверенное в себе. Коричнево-зелёный у берега, тёмно-синий на середине,

с бликами такими яркими, что больно смотреть. На другом берегу — полоса зелени и сразу за ней, без перехода — жёлтая пустыня, уходящая к горизонту. Чёткая граница: жизнь и смерть, вода и песок, зелёное и золотое. По реке скользила лодка — узкая, с парусом из тростниковых матов, с фигуркой человека на корме. Медленно. Бесшумно. Как будто лодка была частью реки, а не чем-то отдельным. На воде цвели лотосы. Их было много — целые заросли у берега, белые и голубые, с восковыми лепестками и жёлтыми сердцевинами, поднятыми над водой на прямых стеблях. Они пахли — сладко, тяжело, как мёд с примесью чего-то более сложного. Среди них сидели цапли — серые, неподвижные, как статуи, расставленные чьей-то аккуратной рукой. Милана стояла на берегу и смотрела. Она читала про Нил. Видела фотографии, документальные фильмы, картинки в учебниках. Всё это было ничем — лишь тенью реальности того, что сейчас открылось перед ней во всей своей необъятности.

— Нил, — сказала она тихо. — Это Нил. И это было не вопросом.

Они появились из-за поворота берега — бесшумно, как будто вышли из самого тростника. Их было пятеро. Белые льняные одежды, головы выбриты, на шеях — тяжёлые воротники с бирюзой и золотом. У двоих в руках — длинные посохи с навершиями в форме головы шакала. Лица серьёзные, торжественные, закрытые — лица людей, привыкших не удивляться, потому что их работа состояла именно в том,

чтобы встречать невозможное с достоинством. Они увидели Милану. Остановились. Самый старший — высокий, худой, с сетью глубоких морщин, в которых словно осели солнце, ветер и долгие годы, — сделал шаг вперёд. Посмотрел на неё долго, внимательно — сверху вниз, с профессиональной тщательностью человека, умеющего читать знаки. Потом его взгляд упал на золотой скарабей на её груди. И он опустился на колени. Медленно, с достоинством — не падая, а именно опускаясь, как опускается что-то тяжёлое и значительное. За ним — остальные четверо. Все пятеро стояли на коленях на берегу Нила и смотрели в землю.

— Вставайте, пожалуйста, — сказала Милана по-русски. Потом, не понимая откуда знает слова, повторила на их языке — медленно, осторожно, как пробуют незнакомую дорогу:

— Встаньте. Я не... я просто... Старший поднял голову. Глаза у него были светлыми для египтянина — янтарными, острыми, привыкшими видеть больше, чем видят обычные люди.

— Ты пришла из воды, — сказал он. Не спросил — констатировал, как записывают в летопись очевидный факт. — В год великого испытания. Как сказано.

— Я не... — начала Милана.

— Ты несёшь знак Хатхор, — продолжал он, глядя на скарабея. — Ты говоришь на языке богов. — Он встал — медленно, опираясь на посох. — Пророчество исполняется. Ми-

лана открыла рот. Закрыла.

-Скажи им, — подсказал разум. — Скажи, что ошибка, что ты учительница литературы из обычного города, что у тебя незаполненные журналы и конспекты в чемодане и подруга, которая сейчас, наверное, уже обыскала всё дно Красного моря.

— Как вас зовут? — спросила она вместо этого. Старший чуть склонил голову.

— Небвер. Верховный жрец храма Хатхор. — Пауза. — А твоё имя нам известно. Оно записано три поколения назад рукой провидца Аменра. Он произнёс что-то — не её имя, другое, древнее, с долгими гласными, похожее на звук воды. — Это ты. Милана почувствовала, как что-то холодное прошло вдоль позвоночника.

— Нет, — сказала она тихо. — Меня зовут Милана. Небвер посмотрел на неё с мягкостью человека, привыкшего к тому, что боги иногда забывают, кто они есть.

— Это одно и то же, — сказал он просто. Они шли вдоль берега — Милана и пятеро жрецов, которые держались чуть позади, как охрана или эскорт, она так и не поняла. Небвер шёл рядом и молчал — не неловко, а так, как молчат люди, умеющие ждать. Милана смотрела по сторонам и пыталась собрать из увиденного что-то похожее на понимание. Деревня появилась за поворотом реки — невысокие дома из сырцового кирпича, плоские крыши, пальмы. Люди — женщины с кувшинами, дети, мужчина с быком. Обычная жизнь, древ-

няя и ничуть не подозревающая о своей древности. Они увидели процессию. Увидели Милану. И стали останавливаться — один за другим, как останавливается рябь по воде. Женщина с кувшином замерла. Дети притихли. Мужчина с быком поклонился — неловко, быстро, как кланяются не по привычке, а по внезапному импульсу.

— Они не должны бояться, — сказала Милана Небверу.

— Они не боятся, — ответил он. — Они благодарят.

— За что?

Небвер посмотрел на неё.

— За то, что ты пришла, — сказал он. — Мы ждали долго.

Храм показался на холме — белый, с колоннами, с золотыми вершинами, поймавшими солнце и бросающими его обратно в небо. Большой — намного больше, чем казалось издали. С широкой лестницей, с пилонами, на которых были высечены фигуры богов в три человеческих роста. Хатхор смотрела с камня — женское лицо с коровьими рогами и солнечным диском, с полуулыбкой, которую трудно было прочитать однозначно: то ли доброта, то ли предупреждение. Милана остановилась у подножия лестницы. Золотой скарабей на её груди стал горячим — так нагревается камень, весь день пролежавший под египетским солнцем. Она посмотрела на реку — она была видна отсюда, широкая, величавая, сверкающая. Где-то там, за горизонтом, за тысячелетиями — было Красное море и дайвинг-клуб «Blue Horizon», и испуганная Соня, и Марко с его блокнотом, и незаполненные

журналы в номере отеля. Другая жизнь. Другое время. Милана подняла ногу и ступила на первую ступень лестницы.

— Расскажи мне про пророчество, — сказала она Небверу. — Всё. С самого начала.

Небвер чуть улыбнулся — впервые с момента их встречи. Улыбка была сдержанной, но искренней.

— Я ждал этого вопроса, — сказал он. — Три поколения. И они начали подниматься.

Глава 7

"Три поколения ожидания и лицо на камне"

Внутри храм был другим.

Снаружи — белый камень, слепящее солнце, открытое небо. Внутри — полумрак, прохлада, запах ладана такой гу-

стой и древний, что казалось, он пропитал сами стены насквозь, до последнего камня. Свет проникал через узкие высокие проёмы под потолком — косыми золотыми полосами, в которых медленно плыли пылинки, как маленькие планеты в маленьких вселенных.

Колонны уходили вверх и терялись в полумраке — толстые, как старые деревья, покрытые сплошным слоем росписи. Боги смотрели со всех сторон — огромные, торжественные, исполненные той спокойной уверенности, которая бывает только у тех, кто знает что-то очень важное и не торопится об этом рассказывать.

Хатхор была везде.

На колоннах, на стенах, на потолке — женское лицо с мягкой полуулыбкой, с рогами и солнечным диском, с систром в руке. Богиня любви, красоты, музыки, материнства, радости — и одновременно богиня смерти и перерождения. Милана помнила это из какой-то книги — прочитанной когда-то давно, в другой жизни, которая сейчас казалась сном.

Жрицы встретили их у входа во внутренний зал — молчаливые, в белом, с цветами лотоса в руках. Посмотрели на Милану — и в их взглядах было то же, что во взгляде Небвера у реки: не удивление. Ожидание, которое наконец закончилось.

Милана шла за Небвером и старалась не думать о том, что будет, если это не сон.

Они остановились в боковом зале — меньше главного, с

низким потолком, с единственным светильником на треноге, который горел тихим ровным пламенем без дыма. Небвер жестом попросил жриц удалиться, сел на каменную скамью у стены и указал Милане на место напротив.

Она села.

Некоторое время он просто смотрел на неё — внимательно и без неловкости, как смотрят на что-то, что долго изучали по описанию и, наконец, увидели вживую.

— Ты хочешь знать всё, — сказал он, наконец. — Это хорошо. Те, кто приходит и не задаёт вопросов, опасны. Вопросы — это признак разума.

— Начните с начала, — сказала Милана. — Что такое пророчество и кто его написал.

Небвер кивнул. Сложил руки на посохе.

— Восемьдесят лет назад, — начал он, — жил провидец по имени Аменра. Он служил Хатхор всю жизнь — с семи лет до последнего дня. На девяносто втором году жизни, за три дня до смерти, он вошёл в святилище, взял тростник и написал на папирусе то, что увидел. Он не объяснял и не толковал — просто записал, слово за словом, как пишут под диктовку.

— И что он написал?

Небвер поднялся. Подошёл к стене — и Милана увидела, что на ней, в отличие от остальных стен храма, нет росписи. Только текст — длинные строки иероглифов, высеченные в камне с той тщательностью, с какой высекают то, что должно

пережить века.

— Я переведу тебе главное, — сказал он, не глядя на стену — очевидно, знал наизусть. — «В год, когда Египет встанет перед лицом великого испытания, когда враги придут с севера и с востока, когда сам воздух задрожит от неопределённости — в этот год Хатхор пошлёт свою жрицу. Она придёт не из песков и не из городов. Она придёт из воды — из той воды, что лежит за краем известного мира, за горизонтом, куда не ступала нога египтянина. Её глаза будут цвета Нила в час разлива. На её груди будет знак богини. Она будет говорить на языке богов, хотя сама не будет знать об этом. И она принесёт с собой то, что Египту нужнее войска и золота — равновесие между мирами, которое было нарушено в начале времён».

Небвер замолчал.

В светильнике тихо потрескивал огонь.

— И это я, — сказала Милана. Не утверждая — пробуя слова на вес.

— Ты пришла из воды, — сказал Небвер просто. — На тебе знак Хатхор. Ты говоришь на нашем языке, хотя никто тебя не учил. Твои глаза — посмотри в воду, если не веришь.

Милана опустила взгляд на небольшой бассейн у стены — каменный, с неподвижной тёмной водой. Наклонилась.

Её отражение смотрело снизу — белое платье, золотой воротник. И глаза. Серо-зелёные, с золотистыми искрами — в полумраке храма, в тёмной воде они были именно такими:

цвета Нила в час разлива. Ясными. Глубокими. Немного пугающими.

Она выпрямилась.

— Что значит «равновесие между мирами»? — спросила она.

— Это я расскажу позже, — сказал Небвер. — Сначала ты должна увидеть кое-что ещё.

Он привёл её в самый дальний зал храма.

Узкий коридор, низкий потолок, факелы в кольцах на стенах. Запах ещё гуще — ладан, мирра, что-то сладкое и тяжёлое. Милана шла за Небвером и чувствовала, как с каждым шагом воздух становится плотнее, значительнее, как бывает в местах, где долго молились.

Коридор заканчивался залом — маленьким, почти тесным. Три стены были расписаны — сцены из жизни Хатхор, ладьи на реке, процессии, жертвоприношения. Четвёртая стена была другой.

На ней было изображение женщины.

Высеченное в камне — не нарисованное, а именно высеченное, с той глубиной и тщательностью, с которой египетские мастера изображали только богов и фараонов.

Женщина стояла в полный рост. Высокая, с тёмными волосами, в белом платье с золотой каймой. На груди — скарабей. На запястьях — браслеты. На лице — выражение, которое трудно было описать одним словом: спокойствие и растерянность одновременно, сила и уязвимость, что-то очень

древнее и очень живое.

Милана подошла ближе.

И остановилась.

С каменной стены на неё смотрело её собственное лицо.

Не похожее — точное. Линия скул, разрез глаз, форма губ, лёгкий наклон головы — как будто мастер лепил не с воображаемого образа, а с натуры. Даже выбившаяся прядь волос вдоль щеки — та самая, которую она всегда убирала и которая всегда возвращалась.

Под изображением — иероглифы. Милана не читала иероглифов.

— Что здесь написано? — спросила она, и голос получился тише, чем она хотела.

— «Та, что вернулась», — сказал Небвер. — Её имя — «та, что вернулась».

Мальчик на рынке в Хургаде:

-Это ваше имя.

Милана стояла перед своим изображением, высеченным в камне восемьдесят лет назад, и чувствовала, как почва уходит из-под ног — не физически, а внутренне, как уходит последняя опора, на которую опирался здравый смысл.

Это не сон.

Сны не пахнут ладаном так отчётливо. Сны не оставляют на коже тепло золотого воротника. В снах не болят ноги от ходьбы по каменным плитам.

Это не сон.

— Мне нужно сесть, — сказала она.

— Разумно, — согласился Небвер без тени иронии и указал на скамью у стены.

Они сидели в маленьком зале, и Небвер говорил — спокойно, методично, как человек, который готовился к этому разговору восемьдесят лет — сначала заочно, потом лично, последние двадцать пять лет своей жизни.

Он рассказал про разлом.

Давно — так давно, что даже жрецы не помнили точно когда — между мирами возникла трещина. Не физическая, не видимая — трещина в том, что держит время в порядке, что не позволяет прошлому и будущему перемешаться, как перемешиваются воды двух рек в месте слияния. Трещина была небольшой, но она росла. Медленно, как растёт трещина в камне под действием воды и времени.

— Поэтому сны, — сказала Милана вдруг. — Поэтому я слышала голос ещё там. Поэтому старик на рынке...

— Трещина работает в обе стороны, — кивнул Небвер. — Те, кто умеет чувствовать — чувствовали тебя раньше, чем ты пришла. Ты тоже чувствовала — просто не знала, что именно.

— И что я должна сделать?

— Закрывать трещину. Но это не сейчас — это требует времени и подготовки. Сначала — ты должна войти в святилище. Пройти испытание.

— Какое испытание?

Небвер посмотрел на неё.

— Войти туда, откуда чужие не выходят, — сказал он спокойно. — И выйти.

Милана подумала секунду.

— Когда? — спросила она.

— Завтра на рассвете. — Он встал. — Сегодня тебе нужно отдохнуть. Тебя отведут в покои. Дадут еду и воду. И одежду — более подходящую для появления при дворе фараона.

— При дворе фараона, — повторила Милана.

— Фараон должен тебя видеть. Пророчество касается всего Египта — а значит, касается его, прежде всего.

Он уже шёл к выходу, когда Милана спросила:

— Небвер. Там, при дворе — кто ещё знает о пророчестве?

Жрец остановился. Помолчал секунду дольше, чем нужно для простого ответа.

— Все, кто важен, — сказал он. — И некоторые из тех, кто важен, совсем не рады, что оно исполняется.

Он вышел.

Милана осталась одна в маленьком зале.

С каменной стены на неё смотрело её собственное лицо — спокойное, чуть растерянное, с выбившейся прядью волос.

Та, что вернулась

— Ну и дела, — сказала Милана по-русски.

Хатхор на соседней стене чуть улыбалась своей неизменной полуулыбкой. Ей явно было что сказать. Она явно не то-

ропилась.

Покои оказались неожиданно красивыми.

Небольшая комната с высоким окном, через которое был виден Нил — далёкий, блестящий, спокойный. Ложе с льняными покрывалами. Кувшин с водой и тарелка с фруктами — финики, инжир, что-то круглое и розовое, незнакомое. Светильник на полу бросал мягкие тени на расписные стены.

Жрица — молодая, с огромными тёмными глазами — принесла одежду: тонкое льняное платье, украшения, сандалии с золотыми ремешками. Поклонилась и вышла, не сказав ни слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.